

UNPUBLISHED WRITING BY V. BRUSOV

Tatyana Shuran

НЕОПУБЛИКОВАННАЯ ПРОЗА В.Я.БРЮСОВА

Вступительная заметка и примечания Т.И.Шуран

Творчество Брюсова, в том числе художественная проза, на сегодняшний день активно изучается. Однако в отделе рукописей РГБ еще остается ряд ранее неизданных рассказов писателя. В большинстве своем тексты небольшие, неоконченные, но представляют определенный интерес как для специалистов, так и для любителей брюсовской прозы. Предлагаемая небольшая подборка содержит несколько произведений, различных по времени создания, стилю и жанру.

«Он ходил большими шагами по комнате...». Печатается впервые по рукописи: НИОР РГБ, фонд 386, картон 125, ед.хр. 46. Сохранился черновой автограф в двух вариантах. Судя по тому, что под вторым вариантом текста стоит дата: «2 янв. 1891», можно предположить, что рассказ окончен. Небольшое раннее произведение Брюсова интересно не столько благодаря художественной форме, сколько из-за автобиографических мотивов. Мы видим напряженное размышление о возможной судьбе начинающего литератора – героя, наделенного сходством с самим автором: происхождение из купеческой семьи, вдохновенная учеба, талант к поэзии и математике, – столкнувшегося с трагической необходимостью отказаться от творчества. Можно сравнить публикуемый текст с ироническими зарисовками «Проза» (1893; впервые опубликовано в кн.: Брюсов В.Я. Заря времен: Стихотворения. Поэмы. Пьесы. Статьи / Сост., подгот. текста, коммент. С.И.Гиндина. М.: Панорама, 2000.) и «Через десять лет» (1894; впервые опубликовано в кн.: Брюсов В.Я. Неизданное и несобранное / Сост., подгот. текста, коммент. В.Э.Молодяков. М., 1998.), герой которых вынужден забросить поэзию вследствие женитьбы на женщине, интересующейся только материальным благополучием семьи.

«Départ lundi...». Печатается впервые по беловому автографу: НИОР РГБ, фонд 386, картон 33, ед.хр. 22. Приблизительная датировка рукописи: 1900-е годы. Можно предположить, что в основе сюжета лежат реальные события: путешествие возлюбленной Брюсова Нины Петровской с ее новым поклонником, молодым литератором Сергеем Ауслендером, в Италию весной 1908 года. Сам Брюсов путешествовал по Италии с женой дважды: в мае-июне 1902 года и летом 1908 года. Итальянские города, особенно Венеция, искусство эпохи Возрождения, памятники античной древности произвели на него огромное впечатление.

Публикуемый отрывок явно перекликается с одним из лучших прозаических произведений Брюсова – повестью «Последние страницы из дневника женщины», впервые напечатанной в журнале «Русская мысль» в 1910 году. Повествование также ведется от лица женщины; героиня – светская дама, пытающаяся уйти от однообразия и лицемерия комфортной городской жизни в мир страстей и любовных приключений. В сюжете «Последних страниц...» также присутствует путешествие героини, замужней женщины, с молодым любовником в Венецию. Позже тот же образ чувственной и волевой «современной гетеры» появится в литературной мистификации Брюсова – сборнике «Стихи Нелли с посвящением Валерия Брюсова» (1913), написанном от лица вымышленной поэтессы.

Записки мужчины. Печатается впервые по рукописи: НИОР РГБ, фонд 386, картон 34, ед.хр. 21. В архиве имеется две редакции текста в автографах (черновом и беловом) и машинописная копия второго автографа. Рукопись датирована 1914 годом.

Как своего рода иронический вариант развития той же темы – воспоминания мужчины о многочисленных любовных похождениях – можно упомянуть незавершенный рассказ Брюсова «У Лучио Семипиано был вечер...» (1922 – 1923; впервые опубликовано в кн.: Брюсов В.Я. Неизданное и

несобранное / Сост., подгот. текста, коммент. В.Э.Молодяков. М., 1998).

И, конечно же, легко заметить сходство с все теми же «Последними страницами из дневника женщины». Еще в 1962 году Е.Н.Коншина, составитель обзора «Творческое наследие В.Я.Брюсова в его архиве» (Записки отдела рукописей ГБЛ. Вып.25. М., 1962), указала, что если сборник «Ночи и дни» был посвящен «женской психологии», то «Записки мужчины» можно рассматривать как своеобразный очерк психологии мужской. Впрочем, бросается в глаза сходство и характеров главных героев, и сюжета. Перед нами снова «записки» человека, ведущего предосудительный с точки зрения общества образ жизни, и вереница любовных историй с трагической развязкой. Вспомним, что «женственность» Натали из «Последних страниц...» и Нелли из «Стихов Нелли» ставилась многими критиками под вопрос. Таков характерный «брюсовский» типаж: человек твердой воли, способный отдаваться страстям, сохраняя над собой полную власть, – случай, редко встречающийся в реальной жизни. Ту же черту можно заметить у многих лирических героев и героинь поэзии Брюсова.

Валерий Брюсов

«ОН ХОДИЛ БОЛЬШИМИ ШАГАМИ ПО КОМНАТЕ...»

(рассказ без названия)

Он ходил большими шагами по комнате. Решиться на что-нибудь было необходимо. С месяц тому назад отец вернулся домой встревоженный. Появились слухи о неблагонадежности банка, где лежали все их сбережения. Наутро банкротство уже было известно. Отец не снес удара, не вынес потери всех своих двадцатилетних трудов. Он слег и умер. А едва через месяц, третьего дня и мать последовала за ним. И вот сегодня ее схоронили. Она умерла, завещая старшему сыну быть отцом для сестер и братьев...

Он ходил взад и вперед. Неотвязные думы занимал его, страшно смеялась жизнь... Еще так недавно чуждая будущность рисовалась ему. Студент первого курса математического

факультета, он едва вступал в жизнь, полный светлых надежд, грез и мечтаний. Он чувствовал силы в себе, частицу того, что дается немногим. Душа была полна звуками, мысли рвались на бумагу, все звало к творчеству и слава мелькала вдали, маня его дивным сиянием. Он жил в царстве мечты, воображения и только одно призывало его из мира видений. То была наука строгая, наука точная и определенная. Не меньше поэзии чаровала его математика. В ней он также находил вдохновение, и часто ряд цифр прерывал еще звеневшую рифму⁹³. И вот теперь, когда его стихотворения были замечены многими, когда в нем видели молодой талант, некоторые его работы по математике интересовали даже профессоров – внезапно налетел порыв ветра, и сорвал покрывало видений. Жизнь явилась мучением. Он был один, чтобы бороться за младших братьев и сестер. Не может же он оставить их! Он должен забыть свои грезы, разбить идеал и не верить в мечту. Поэзия исчезала в тумане⁹⁴.

Он остановился.

– Мама, – глухо сказал он, – я исполню твой завет!

Чуть ли не двадцать лет прошло с тех пор. Сегодня он возвратился со свадьбы своей младшей сестры. Дело его было исполнено.

Трудно приходилось сначала. Один боролся он против жизни. Университет он оставил, целые дни проводил за работой и ночью гнал от себя прежние грезы. А они являлись сначала так часто. Прежние звуки раздавались в душе, манили мечты и цифры. Он боролся и с жизнью и с самим собой, везде побеждая. Сознание долга поддерживало его. Но годы пролетели за это

⁹³ Второй вариант рукописи: ...и часто отбрасывал он бумагу с начатыми строфами, чтобы улечь в мир цифр и знаков, чтобы увлечься внезапно мелькнувшей теоремой и среди формул забыть еще звучавшие рифмы... Он сам сознавал свои силы, он верил в них.

⁹⁴ Второй вариант рукописи: ...проза его призвание.

время. Много испытал он, пока выбрался на дорогу, много страдал, пока погасил в себе пламя вдохновения.

Но оно погасло. Жизнь покорилась. Он исполнил свое обещание. Сестры и братья были пристроены. Сам он имел довольно прочное положение. Сегодня, вернувшись со свадьбы младшей сестры, он гордо сказал себе:

– Я исполнил свой долг!

И вот под влиянием этих слов перед ним воскресла та сцена, когда он, юноша-студент, давал свою клятву. И все, что случилось за эти последние двадцать лет, все, чего не было у того студента, теперь как бы исчезло, и прежняя греза, любимая, старая греза снова явилась перед ним. Зазвучали слова, о которых забыл он, воскресли мечты, которые он давно схоронил. О жизнь, как жестоко смеялась ты⁹⁵. Где слава? где счастье? и где талант?.. А он был у него, был талант, быть может большой, оригинальный. Он задавил его, он засыпал первые искры, и угли уже погасли⁹⁶. Их не раздуть в новый огонь: они погибли... А по какому праву сделал он это... Кто позволил ему уничтожить это всеобщее сокровище... Разве ему одному принадлежало оно? Из личных целей погасил он имя быть может всемирное. Долг ли исполнил он или совершил преступление... Где истина! Где счастье?.. Ошибался ли он, был ли прав...

Может быть, он преувеличивал. Может быть, все это был плод его расстроенных нервов, но когда мелькнула мысль: «нельзя ли воскресить все это, раздуть потухающие угли», то близко и громко, как удары похоронного колокола, как слово истины прозвучало ему:

Поздно!

2 янв. 1891.

⁹⁵ Второй вариант рукописи: ...Он вспомнил свои прежние мечтания, прежние планы. Как сурово обрекла их жизнь...

⁹⁶ Вычеркнуто: Но прав ли он был, погасив его, хорошо ли он поступил, подавляя проблески гения? Эта страшная мысль как молния блеснула, мрак озарился, на...

Валерий Брюсов

«DÉPART LUNDI...»

(неоконченный рассказ без названия)

«Départ lundi serais Venis<e> vendredi tendresses Sophie»⁹⁷.

Я сама понесла телеграмму на телеграф. Подав ее, я осведомилась в отделении poste-restante⁹⁸. Мне подали письмо от Сережи.

После обычных длинных и страстных упреков в том, что я его не люблю или люблю не так, как ему того хотелось бы, он заканчивал письмо такими словами:

«Теперь, как игрок последнюю ставку, я ставлю свое решительное требование. Не признаю никаких отговорок, все равно правдоподобных или нет. Кто действительно хочет уехать, сумеет это сделать, что бы ему ни мешало. Итак, я требую (слышишь: уже не прошу, не умоляю на коленях, как раб, – но требую), чтобы ты выехала ко мне не позже понедельника. Здесь я жду тебя только до пятницы. В субботу утром, если тебя нет в Венеции, я отсюда уезжаю. Больше не хочу комедий любви, больше не знаю никаких уступок и прощений. После этой субботы ты более не услышишь обо мне никогда ничего. И это именно потому, что я люблю тебя исступленно, безмерно, так, как не любят. Твой, твой, твой Сергей».

Я пожалела, что отправила телеграмму раньше, чем прочла письмо. Если бы я знала, что Сергей «требует» моего отъезда в понедельник, я бы, конечно, его отложила. Одну минуту у меня даже мелькнула мысль взять свою телеграмму обратно. Но это дело сложное, да к тому же билет на Венецию уже был у меня в кармане... Я вышла из телеграфа и поехала домой, очень недовольная собой.

⁹⁷ «Выезжаю <в> понедельник буду <в> Венеции <в> пятницу целую Софи» (фр.)

⁹⁸ До востребования (фр.)

II

Когда все вещи были уже уложены, мне мучительно жаль стало уезжать. Такими уютными показались мне комнаты нашей квартиры, где все было устроено по моему вкусу. Такой заманчивой показалась мне жизнь в привычных условиях, тихая, спокойная, без сильных чувств, без потрясений. Образ Сережи за шесть месяцев нашей разлуки совсем потускнел в моей памяти, и напротив мой муж казался мне таким близким, таким любимым и таким нужным мне!

Я посадила Костю рядом с собой на диван, стала его целовать и сказала:

– Знаешь, мне так страшно с тобой расставаться, что, если ты скажешь одно слово, я брошу билет и останусь...

Я бы сделала так, если бы он сказал: останься. Но он возразил:

– Соничка, ведь доктора же сказали, что тебе ехать необходимо. Морские купания...

– Так приезжай скорей ты ко мне...

– Ты знаешь, что мне нельзя уехать раньше августа.

Почувствовав, должно быть, сухость своих слов, он взял мои руки, стал целовать их, клялся в своей любви ко мне и говорил, что ему столь же тяжело расставаться со мной, как мне с ним. Но, по какому-то неуловимому оттенку в его голосе, я угадала, что это не так, что какой-то частью своей души он рад остаться без меня... Как осуждать его: он, конечно, был прав. Каждый человек время от времени испытывает непобедимую потребность остаться на ряд дней один, даже без того, кого он любит...

А, впрочем, может быть, была какая-нибудь другая причина у Кости, какой-нибудь маленький роман, «интрижка», как говорили в былое время, почему он желал моего отъезда.

Я перестала плакать и надела через плечо дорожную сумку.

III

Уже сев в вагон в Петербурге, я сразу как-то оторвалась ото всей своей жизни. У меня есть счастливая способность целый мир чувств, воспоминаний, желаний временно как бы усыплять. Они, окоченев, как некоторые насекомые на зиму, ждут своей весны, чтобы ожить сразу. Так я на время заморозила, захлороформировала всю свою жизнь с Костей, и мои письма к нему с дороги были условной нежной ложью.

Но вместе с тем мне долго не удавалось разбудить в своей душе чувства к Сереже. Я старалась воскресить в памяти все наши счастливые часы, повторить все страстные вдохновенные слова, какие он мне говорил, раздражить себя образами наших безумных свиданий, – но все время было у меня ощущение, что все это – чужое, не мое, словно прочитанный роман. И почти всю дорогу у меня в душе было ощущение приятной пустоты, позволившее мне вести маленькие дорожные флирты со случайными попутчиками.

Первоначально я думала ехать не останавливаясь. Потом один австрийский офицер, с которым я и раньше встречалась в Петербурге, убедил меня остаться отдохнуть в Вене. Офицер, конечно, весьма ошибся, если думал, что этой моей остановки будет ему достаточно для легкой победы над легкомысленной русской дамой. Но все же в Вене я провела двое суток, придумав для себя ту отговорку, что радость нашей встречи с Сережей будет острее, если я опоздаю.

Признаюсь, что выезжая из Вены, я была несколько смущена. Я понимала, сколько мучений доставила я Сереже, который тщетно ждал меня вечером в пятницу... Я представляла себе как, в своем обычном волнении, переходящем у него почти в безумие, встречал он поезд за поездом... как поздно ночью вернулся он в свою гостиницу... бросился, по своему обыкновению, ничком на пол и лежал, без слез, но в мертвом отчаянии...

Но зато эти мысли вернули мне мою любовь к Сереже. Вдруг я почувствовала, что он мне по-прежнему дорог, что я хочу быть с ним, и больше того, хочу, чтобы он был со мной и был со мною счастлив. И уже я не могла смотреть на прославленные

долины и ущелья Зиммеринга⁹⁹, и бег австрийского экспресса мне стал казаться бессмысленно медленным.

IV

Из Вены я ехала на Понтеббу¹⁰⁰. Я не люблю таких маленьких переездов морем, как из Фиуме¹⁰¹ до Венеции: это какие-то карикатуры морского путешествия. Поэтому в Венецию я приехала вечером, когда было уже темно.

Я выглянула в окно: метались и щерились незнакомые лица. Сережи не было. Я кликнула факкино¹⁰², и он понес мой дорожный чемодан. Портье выкрикивали названия своих гостиниц.

У меня еще была надежда, что Сережа ждет меня в гондоле той гостиницы «Capello Negro», где он жил. Я сказала это имя носильщику, но в желтой гондоле-омнибусе не было никого. Я села, недовольная, в кузов лодки.

Промелькнули хорошо знакомые, темные закоулки каналов, гондольеры несколько раз пропели, звучно разносящееся над водой свое «o-he, rorpe!», мраморные дворцы Большого канала¹⁰³ посмотрели грустно и строго, – и вот мы у ступенек подъезда, омываемого зеленовато-грязной волной, в которой бурым пятном дробится свет фонарей.

– Madame désire une chambre¹⁰⁴?

Не выбирая, я взяла первую предложенную комнату, окнами на Мерчерию¹⁰⁵.

⁹⁹ Земмеринг (нем. Semmering) – курортный город в Нижней Австрии.

¹⁰⁰ Понтэбба (итал. Pontebba) – город в Италии.

¹⁰¹ Фиуме (венг. Fiume, нем. Flaum), ныне хорватский город Риэка (хорв. Rijeka) – портовый город на берегу Адриатического моря. В начале XX века (до Первой мировой войны) – в составе Венгрии.

¹⁰² Факкино (итал. facchino) – носильщик, грузчик.

¹⁰³ Гранд-канал – самый известный канал Венеции, проходящий через весь город, средоточие самых красивых зданий: на его берегу стоит более ста дворцов.

¹⁰⁴ Мадам желает комнату? (фр.)

– Est-ce que monsieur Serge Kassatkine est chez vous?
– Monsieur Kassatkine? Mais oui, Madame.
– Passez lui, s’il vous plaît, ma carte, – à présent même...¹⁰⁶

Сердце у меня билось, как у девочки на первом свидании. Я бросилась к окну, за которым еще не совсем стихла шумная, бойкая жизнь Мерчерии. Вдруг железные люди вышли из своего домика на вершине башни¹⁰⁷ и, прямо около меня, ударили тяжелыми молотками в чугун: было одиннадцать часов.

При первом ударе я вздрогнула, и не слышала стука в дверь. Но она отворилась.

Боже мой! Неужели это был Сережа! Бледный, как в театре изображают привидения, с глазами впавшими, и с бледными, бледными, тонко-худыми руками...

Он что-то хотел сказать, может быть, упрекнуть за то, что я опоздала, не известив, заставила его мучиться ожиданием и неизвестностью, – но потом молча он подбежал ко мне, стал на колени, прижался губами к моим ладоням.

В ту минуту у меня не было другого чувства, кроме желания – дать ему все то счастье, какое я могу.

V

Чем были первые дни, которые мы провели с Сережей в Венеции?

¹⁰⁵ Мерчерия (итал. Mercerie) – главный торговый район Венеции. Изначально «мерчери» называли специально выстроенную торговую улицу с лавками на первых этажах домов.

¹⁰⁶ – Месьё Серж Касаткин у вас?

– Месьё Касаткин? Да, мадам.

– Передайте ему, пожалуйста, мою карточку, – прямо сейчас... (фр.)

¹⁰⁷ Часовая башня Святого Марка – одна из главных достопримечательностей Венеции. На террасе на вершине башни находятся две подвижные бронзовые статуи, бьющие в колокол. Фигуры, изображающие одна – старого человека, другая – молодого, символизируют течение времени.

Если бы я назвала их сказкой, я была бы не права, потому что самым острым чувством тогда было ощущение действительности, подлинности всего переживаемого. Но только в сказках, в философских сказках «безумного Эдгара»¹⁰⁸, знала я раньше ту же стремительность в смене переживаний, ярких, все собой заполняющих, упоющих как стаканы какого-то неведомого, идеального вина.

Впервые в жизни мы были вместе, вдвоем, безо всяких докучных свидетелей. И нам казалось, что мы не в модной Венеции, переполненной интернациональной пестрой толпой, но вне мира, в каком-то таинственном уединении. Мы были, словно для какого-то точного психологического опыта, освобождены ото всех условий жизни, оставлены друг перед другом, одна душа перед другой душой.

Мы бродили по мраморному лабиринту единственного города; мы вбирали в глаза бессознательную красоту его жизни, которая так сильна, что всех, против их воли, заставляет быть лишь элементом своей век за веком дрящейся прекрасной панорамы; мы в залах Академии¹⁰⁹ тонули согласными взорами в сложных красочных гармониях Веронезе¹¹⁰, тешились жемчужными тенями Тициана¹¹¹ и многоцветной чернью

¹⁰⁸ Эдгар Аллан По (англ. Edgar Allan Poe, 1809 – 1849) – американский поэт и писатель, автор мистических, фантастических и детективных рассказов, представитель американского романтизма, творчество которого повлияло на европейскую литературу декаданса и символизма.

¹⁰⁹ Галерея Академии – художественный музей, в котором хранится коллекция венецианской живописи XIV-XVIII веков.

¹¹⁰ Паоло Кальяри Веронезе (итал. Paolo Cagliari Veronese, 1528 – 1588), прозванный Веронезе по месту рождения (Верона), живописец венецианской школы Позднего Возрождения.

¹¹¹ Тициан Вечеллио (итал. Tiziano Vecellio, 1488/1490 – 1576) – венецианский живописец, один из крупнейших представителей Позднего Возрождения.

Тинторетто¹¹² или услаждали свои мечты детскими улыбками Беллини¹¹³ и <...>¹¹⁴; мы, близко прижавшись один к другому, радовались чуть слышной зыби гондолы, когда черный гондольер ведет ее по причудам водных переулочков, прелесть которых не могли осквернить восхищения всех Бэдекеров¹¹⁵ и Майеров мира; мы с широкой террасы на Лидо¹¹⁶ вдыхали мир безмятежной широты Адриатического моря, оставшегося таким же прекрасным, как во дни Вергилия¹¹⁷ и во дни Байрона¹¹⁸; мы слушали вечером на прекраснейшей площади в мире, декорацией которой служит пестрая стена собора Св. Марка¹¹⁹, симфонии, разыгрываемые плохим военным оркестром, но под этим небом, среди этих стен казавшиеся музыкой души; мы знали, что в

¹¹² Я́копо Робу́сти Тинторéтто (итал. Jacopo Robusti Tintoretto; 1518/1519 – 1594), прозванный Тинторетто по профессии отца – красильщика (tintore), венецианский живописец Позднего Возрождения.

¹¹³ Джовáнни Белли́ни (итал. Giovanni Bellini; ок. 1430/1433 – 1516) – венецианский живописец, один из основоположников Высокого Возрождения.

¹¹⁴ В рукописи имя пропущено.

¹¹⁵ Карл Бэде́кер (нем. Karl Baedeker, 1801 – 1859) – немецкий издатель и составитель популярных путеводителей, носивших его имя.

¹¹⁶ Лидо (итал. Lido) – архипелаг небольших островов, отделяющих Венецианскую лагуну от Адриатического моря.

¹¹⁷ Пуб́лий Верги́лий Маро́н (лат. Publius Vergilius Maro, 70–19 до н. э.) – древнеримский поэт, автор эпической поэмы «Энеида», в которой рассказывается о странствиях легендарного героя Троянской войны Энея.

¹¹⁸ Джор́дж Гордон Но́эл Ба́йрон (англ. George Gordon Noel Byron, 1788 – 1824) – английский поэт-романтик, живший некоторое время в Венеции.

¹¹⁹ Собор Святого Марка (итал. Basilica di San Marco – «базилика Сан-Марко») – кафедральный собор Венеции. Располагается на площади Святого Марка, рядом с Дворцом дождей. Собор был основан в 829 году для размещения мощей апостола Марка. После перенесения мощей в город, апостол Марк заменил святого Феодора в роли небесного покровителя Венеции, а символом города стал знак этого евангелиста – крылатый лев.

нашем старинном «Capello Nero» нас ждет одна комната, двери которой мы вправе запереть, в которой мы – у себя, в которой мы можем длить наше счастье столько, сколько хотим; и мы, за стаканом лимонада или за блюдцем мороженого, проводили долгие часы, наивно повторяя слова всех влюбленных: «Это ты, мой Сережа?» – «Это ты со мной, Софья!»

Мы были дети, мы были глупы, нам Венеция казалась прекрасной, да, впрочем, прекрасной показалась бы нам тогда любая оперная декорация!

VI

Сказка длилась три дня. Разве это не долго для сказки?

Когда в первый раз на вопрос, произнесенный трепетным голосом: «Неужели это ты, Софья?» мне показалось смешным ответить «Сережа, неужели это ты?» – я поняла, что «все» кончено.

И как-то сразу я стала замечать много такого, чего не замечала раньше: заметила знакомых в толпе, снующей по Пьяцце¹²⁰, которые поклонились мне; заметила, что лакеи в отеле чуть-чуть усмеваются, прислуживая нам; нашла, что салат, поданный нам к обеду, больше походит на водоросли; что попрошайничество в городе за последние годы не уменьшилось, а пожалуй и возросло, что в окнах магазинов выставлены вещи безвкусные и претенциозные; что от каналов дурно пахнет... и много, много других мелочей, неприятных и обидных.

Для меня было вполне ясно, что надо было сделать: расстаться. Я уже в образах представила себе, как под каким-нибудь предлогом я уйду одна из отеля, доберусь до вокзала и уеду не простившись, написав Сереже, что так лучше, что надо прервать счастье еще в ту пору, когда оно не исчерпано, чтобы в душах осталось сладкое сожаление о чем-то оставшемся не взятым, а не тягостное пресыщение после того, как на пире все

¹²⁰ Пьяцца (итал. Piazza) – площадь Святого Марка, главная городская площадь Венеции.

было истреблено до последнего куса, до последнего глотка... Но в то же время я хорошо знала, что поступить так у меня не достанет сил.

Я думала об этом, сидя на скамье, в аллее Общественного Сада¹²¹, довольно пустынного, потому что в тот год не было обычной художественной выставки¹²². Я посмотрела на лицо Сережи. Было очевидно, что тех чувств, какие были во мне, он не испытывал. Он все еще был в упоении нашей встречей; он еще не насытился нашей близостью, он еще хотел ее длить... Он бы не понял моего поступка, который ему показался бы жестоким, чудовищным, бессердечным... И притом он был так бледен, так худ, так несчастен...

Говорят, что в любовнице всегда есть мать. Мне стало жалко Сережу, и я опять повторила себе здесь обет, какой дала себе в первую минуту встречи с ним: дать ему все то счастье, какое я могу.

VII

/на этом рукопись обрывается/

¹²¹ Венецианские, или Общественные Сады – парковая зона Венеции, созданная при Наполеоне.

¹²² В 1895 году в Венецианских садах была проведена первая в мире художественная международная выставка, позже получившая название Фестиваль Искусств Венецианской Биеннале.

Валерий Брюсов

ЗАПИСКИ МУЖЧИНЫ

Вместо предисловия

Июль 1914 года

Милая Лена!

В эти жестокие дни, так просто и так естественно для меня – обратиться к вам. Много времени прошло с той поры, как мы были близки. Вы помните, как, последние годы, мы встречались холодно и равнодушно, обмениваясь «светскими» фразами. Но я знал, что вы не переставали любить меня, и сегодня мне не стыдно сказать это вам. И я знаю, что теперь, когда все отвернулись от меня, когда я не смею протянуть руки недавним друзьям, так как боюсь, что они не ответят мне, вы, вы одна не осуждаете и не проклинаете меня. Как пятнадцать лет назад, в тот вечер, который вам, конечно, столь же памятен, как и мне, вы готовы положить свою руку мне на голову и прошептать своим нежным голосом (ах! он не изменился у вас): «Милый мальчик, я тебе прощу все и всегда!»

Да! вы одна простили мне *все*. Когда, три дня назад, я видел вас на похоронах моей жены, ваши глаза сказали мне это. Этот ваш взор был для меня целительным бальзамом в этой пытке, которую я переживал в эти часы. Среди беспощадных, безжалостных взглядов, среди общего осудительного шепота, не стихавшего и при моем приближении, только одни ваши глаза глядели ласково и примирительно. Вы не сказали мне ни слова; но этого и не надо было! Без слов я понял ваше прощение, и мне стало сладостно и горько. Сладостно – потому, что нашелся человек, не отвергающий меня. Горько – потому, что и вы могли только *простить* меня: и для вас я все же был преступник, нуждающийся в прощении! Но против этого я не смел возражать, так как все, все было против меня!

После я много думал об этом вашем взгляде. Я говорил себе: если даже она считает меня виноватым, она, которая меня знает, как никто другой, и любит, как редко кто любит, то что же

другие! Могу ли я мечтать, что другие когда-нибудь поймут меня, если не поняла и она! И в те вечера, когда я думал об этом, мысль о самоубийстве сделалась для меня привычной и не страшной. Верьте, Лена, я медлил лишь потому, что хотел устроить свои дела. Вы знаете, что были люди, о судьбе которых я обязан был позаботиться. А револьвер уже лежал заряженным в ящике моего стола, и нужная записка была написана... Тогда же я писал ту тетрадь, которую вы получили вместе с этим письмом. Потом грянула весть о войне. Для меня это был меч, разрубающий Гордиев узел¹²³, *deus ex machina*¹²⁴, разрешающий запутанную трагедию. Все вдруг стало просто и легко. Завтра я уезжаю в действующую армию и, разумеется, не вернусь оттуда, но с моей стороны это – не подвиг мужества или патриотизма, а лишь иной способ самоубийства...

В записке, просящей никого не винить в смерти, теперь не стало надобности. Но мою исписанную тетрадь я все же посылаю вам, как послал бы в тот вечер, когда выстрелил бы себе в сердце. Вы эту тетрадь прочтете. Если я сохранил хотя каплю способности рассуждать здраво, судить беспристрастно, вы поймете тогда, что я *не нуждался в прощении*. «Нет в мире виноватых», – эти золотые слова великого «перчаточника»¹²⁵ еще раз оправдались на всех нас, на тех четырех человеческих существах, которые, волею судьбы, оказались сцепленными друг с другом, как зубчатые колеса в часах. Трех из них уже нет в этом мире: скоро не будет и четвертого. Останется лишь моя тетрадь, в которой история этих четырех существ рассказана со всей

¹²³ Гордиев узел – по легенде, сложный узел, завязанный фригийским царём Гордием и разрубленный полководцем Александром Македонским. В переносном смысле «разрубить гордиев узел» значит неожиданным способом решить запутанную проблему.

¹²⁴ *Deus ex machina* (лат. «Бог из машины») – выражение, означающее неожиданную, нарочитую развязку ситуации, с привлечением внешнего, ранее не действовавшего в ней, фактора.

¹²⁵ Цитата из трагедии «Король Лир» Уильяма Шекспира – английского драматурга и поэта эпохи Возрождения, отец которого был перчаточником.

искренностью и правдивостью, на какие только способен человек. Вам я и вверяю эту историю. Не знаю, как вы это сделаете, но верю, что когда-нибудь, пользуясь моей тетрадкой, вы оправдаете и мою память, и память тех трех пред всеми, кто нас знал. Вы покажете всем, что мы были *несчастливы*, но не *преступны*.

Прощайте, Лена! Здесь я не буду лгать и не напишу, что любил всю жизнь вас одну. Нет, в те дни, когда мы расстались, я, в самом деле, уже не любил вас. И после, если и были у меня чувства к вам, которые я таил, то это было – большое уважение к вашему жизненному мужеству, хорошая дружба, которую я не смел проявить, нежная заботливость о женщине мне когда-то близкой, – и только. Но ваша любовь ко мне, неизменная, непобедимая, проходившая сквозь года и сквозь все испытания, была так прекрасна, так сильна, что она одна делала из вас человека самого близкого мне в мире. Поэтому только вашей любви я предаю себя. Только во имя ее я прошу вас исполнить это мое завещание. Примите мою тетрадь, прочтите ее и, когда настанет время, расскажите другим, что скрывалось за теми событиями, злым гением которых я всем представлялся. Пусть, хотя бы после моей смерти, люди поймут, сколько жестокости и сколько несправедливости было в тех безжалостных обвинениях, которыми они самодовольно осыпали меня. Я много выстрадал, и мне становится легче от мысли, что правда когда-нибудь станет известной. Пусть в то время я уже буду лежать в общей могиле где-нибудь в Пруссии: должно быть, не ограничивает наше сознание своего кругозора пределами нашей жизни!

Целую ваши руки. Больше вы меня не увидите. Как прежде,

Ваш – Андрей.

P.S. Свою исповедь я писал для вас. Все время мне казалось, что вы слушаете меня. Поэтому о том, что вы знаете, я не упоминал. Если настанет день, когда вы исполните мое

завещание, вам придется дополнить мой рассказ своими объяснениями¹²⁶.

1.

Прежде всего я должен сказать, что считаю себя самым обыкновенным человеком, одним из миллионов. Вы, Лена, любили и любите меня и, может быть, заблуждаетесь на мой счет. Вам я, может быть, представляюсь человеком выдающимся; но сам я хорошо знаю, что это не так. Красивым я назвать себя не могу, хотя лицо мое часто нравилось женщинам; я, кажется, не глуп, но способности у меня вполне средние, и совершенно лишен я остроты ума: не умею соображать быстро и легко теряюсь; мое образование и мои познания таковы, как у любого интеллигента наших дней, кончившего курс университета, читавшего и не отказывавшегося думать; мое происхождение тоже – не высокое: отец и дед вели свою фабрику, – дело, которое я не сумел продолжать, – и числюсь «потомственным почетным гражданином»; состояния, оставленного мне отцом, было достаточно, чтобы я мог почти ничего не делать, уверяя других и самого себя, что я предан науке... Вы, Лена, до сегодняшнего дня, вероятно, считали меня ученым, но я должен рассеять и это предубеждение. Все мои книжки и статьи, в конце концов, не стоят ничего и никакого следа в своей науке я не оставляю, а если обо мне писали иногда с прибавлением эпитета «известный», а в последнее время даже «маститый», то это потому, что есть много подобных мне, которые именуют «известным» товарища, чтобы получить от него такое же наименование себе. Короче говоря, я – типичный русский интеллигент своего времени, конца XIX и начала XX века, и то, что моей специальностью была астрономия, а не биржевая игра или не постройка мостов, ничего в этом не меняет...

¹²⁶ Эти объяснения издатель рукописи приводит далее в подстрочных примечаниях.

Затем я должен сказать, что и жизнь свою прожил так же, как все. Учился, добивался положения в обществе и добился его, кое-что зарабатывал, а больше тратил, так как трижды получал наследство, побывал на всех зарубежных и русских курортах, иногда кутил, иногда играл, но никогда не предавался этому слепо, под тридцать лет женился, имел двух детей, и много любил – и до женитьбы и после женитьбы. Однажды, в досужий час, я составил перечень женщин, которых я любил и которые меня любили, – конечно, не включая тех, с которыми сблизился на один-два дня, – свой «донжуанский список», подобный тому, какой нашли в бумагах Пушкина. В перечне оказалось сорок имен, и вы, Лена (простите мой цинизм) стояли в нем двадцать шестой... Мне было тридцать девять лет, когда я составлял этот список, и я уверен, что любой мужчина в моем возрасте мог бы составить перечень более обширный. Две-три «победы» в год – это считается в нашей среде жить очень скромно.

С вами я встретился, как вы помните, на второй год после моей женитьбы. До вас я был почти верен своей жене. Не говоря о трех-четырех «изменах» с садовыми певичками, – результат глупых кутежей в приятельской компании, когда поступками управляет не разум, а вино, – у меня, после женитьбы, была до вас только одна любовница: маленькая Миночка (та, что умерла года три назад от родов), жена моего «начальника» по обсерватории. Впрочем, это была связь мимолетная; не то мне льстило, что я соблазнил именно жену своего «начальника», не то мне было стыдно оставаться верным супружескому долгу: сам хорошенько не пойму своих чувств... потом пришли вы. Я вас любил по-настоящему, вы это знаете: недолго, но любовью истинной. Помните, я предлагал вам бросить мужа и уехать за границу. От этого вы отказались, так как не могли бросить сына... Я вас не упрекаю, я только хочу подтвердить, что, действительно, любил вас.

Потом мы расстались. Не буду вспоминать подробностей: обо всем мы с вами говорили много; помните наши бесконечные письма друг другу, по двадцати, по тридцати страниц! Вы упрекали меня, что я увлекся другой, артисткой С. Нет, я просто перестал вас любить. Моя связь с С. льстила моему самолюбию, –

ведь ее знала вся Россия, – но любви здесь не было: ни я ее не любил, ни она меня. Через полгода мы уже были чужими друг другу. Потом, сам не знаю как, я оказался возлюбленным этой старухи Р. Дьявольская была женщина! Несмотря на свои пятьдесят (а, может быть, и больше!) лет, она, поистине, была неподражаема! Все утонченности разврата были ей известны. Думаю, она могла бы поучить куртизанок Древнего Египта или современной Индии, прошедших всю Кама-Шутру¹²⁷. Но это мне надоело. К тому же я не на шутку влюбился в поэтессу Л., ухаживал за ней, как мальчишка, и только через полгода добился успеха. Между тем другие одерживали над ней победы, как говорят, в течение ровно двух с половиной часов... Потом... Впрочем, зачем я все это рассказываю. Вы следили за моей жизнью, я это знаю. Я пройду молчанием все, что было со мной, за все эти пятнадцать лет, и только скажу несколько слов о Эсфири.

Вы знавали Эсфирь. Вы ее назвали: «маленькая женщина в большой шляпе» (тогда была мода на большие шляпы). Вы знаете также, что я был как бы рабом этой маленькой женщины. Да! она мне отомстила за всех тех женщин, к которым я относился так легко. Она сумела показать мне, что женщина есть, была и будет царица. Удивительнее всего, что ведь сначала я смеялся над Эсфирью. Я достаточно слышал обо всех ее скандальных похождениях, мог сам перечислить с десятков любовников этой «веселой вдовушки» (впрочем, она была не вдова, а «мужеразведенная жена») и кончил тем, что сам оказался в ее цепях. Я думал поиграть с ней, но очутился в положении мышонка, с которым играет кошка.

¹²⁷ Кама-Шутра (в современном написании Камасутра) – «Ватсьяна кама сутра» (санскр. «Наставление о каме, принадлежащее Ватсьяне») – древнеиндийский трактат о каме (санскр. «желание, страсть») – сфере чувственных наслаждений и любви.

Моя связь с Эсфирью длилась шесть лет. Это был сплошной ужас. Я ненавидел ее и боготворил ее. *Odi et amo*¹²⁸, как говорил Катулл. Несколько раз я уходил от Эсфири. За эти шесть лет у меня были другие «любви», другие женщины, как и у нее были другие любовники. Но каждый раз я вновь возвращался к той же Эсфири, чтобы выманить у нее ласк, как подаяния. Всего страннее, что она тоже любила меня (я в этом уверен), хотя всячески издевалась надо мной и изменяла мне. Сколько раз я вырывал у нее револьвер, когда она готова была застрелиться из любви ко мне. Не знаю, слышали ли вы, что в Бретани (где мы встретились) она бросилась в море, когда я с ней попрощался. Рыбак едва ее спас, и врачи едва вернули к жизни. Два раза она стреляла в меня и один раз пуля засела в стене над самой моей головой... И все же мы потом опять шли друг к другу, кляли один другого, ненавидели и любили. Это была непрерывная пытка, ужас, чудовищность, длившаяся дни, недели, месяцы, годы... шесть лет, полных шесть лет!

Вероятно, это никогда бы не кончилось. Но тут явилась Лиля... Я пишу это имя, и мое сердце сдавлено; слезы мне застилают глаза. Лена! Лена! И меня обвиняют в ее смерти! Здесь начинается моя исповедь, начинается та казнь воспоминаний, на которую я сам обрек себя. Душа, окаменей! память, заставь себя вспомнить все, все – до последней минуты! обличай, суди и произнеси приговор!

Глава II

Как я познакомился с Лилой, вы знаете. Вам случилось и говорить с ней. Вы ее оценили, но поняли ли вы ее душу? Лиле

¹²⁸ «*Odi et amo*» (лат. «Ненавижу и люблю») – знаменитое стихотворение-двустихье древнеримского поэта Катулла, в котором передана сила противоречивого чувства любви-ненависти. В сборнике Брюсова «Зеркало теней» есть стихотворение «Да, можно любить, ненавидя» (1911) – пространная импровизация на тему Катулла; та же тема (с цитатой из Катулла) присутствует в стихотворении «Ответ» (1911).

было двадцать лет; она была из того хрупкого поколения, которое выросло в годы нашей революции. Все основы жизни были сдвинуты. Впереди рисовалось нечто святое, великое и прекрасное и новое. Молодежь шла вперед с закрытыми глазами. Потом наступило крушение всех надежд. Святое оказалось отвратительно; великое – ничтожно; прекрасное – безобразно; новое – давно известно. Юные души не смогли выдержать такого испытания. Начался период – «проблемы пола», «мига любви», «Санина»¹²⁹... Выросло поколение хрупкое, слабое, неприспособленное к жизни.

Такова была и Лиля. Мне кажется, я все же могу судить об ней беспристрастно. У нее были прекрасные способности. Как-никак, я – математик. Я утверждаю, что в ее математических суждениях были проблески истинной гениальности. И я, и старые профессора бывали поражены, когда эта молоденькая курсистка начинала излагать перед нами свои соображения о теории чисел. Вы знаете, что один ее реферат, – о суммах кубов, – напечатан в специальном журнале. А вместе с тем в ней была изумительная энергия, правда, болезненная, скорее упрямство, но энергия непреодолимая. Когда дома ее не хотели пустить на курсы, она отказалась от пищи и питья, голодала и не пила несколько дней, пока родители не уступили, видя, что иначе она доведет себя до смерти от жажды и голода. Другой раз она вызвала свою подругу на дуэль, и эта дуэль состоялась, хотя Лиля абсолютно не умела стрелять. Говорили, что под револьвером своей противницы она стояла так же твердо, как если бы была на балу.

/на этом рукопись обрывается/

¹²⁹ Роман Михаила Арцыбашева «Санин» (1907) отразил общественные настроения периода бурных революционных событий 1905 года и последующей реакции: разочарование в политической борьбе, разрушение традиционной морали, «упадочнический» интерес к ницшеанским, нигилистическим идеалам. В частности, роман привлёк внимание публики «скандальным» обсуждением чувственности и сексуальных отношений.